

Андрей Топорков

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗДАНИЯ РУССКИХ ЗАГОВОРОВ¹

Перед исследователями магического фольклора стоит задача создать репрезентативные коллекции, отражающие репертуар заговоров отдельных регионов России. В данной статье предлагается программа подготовки информационно-поисковой системы по заговорам Обонежья (территории вокруг Онежского озера).

В истории фиксации и изучения обонежских заговоров выделяются 4 основных периода. Их хронологические рамки можно условно определить следующим образом: 1-й период — с 1630-х по 1862 год; 2-й — с 1863 по 1928 годы; 3-й — с 1929 по 1991 год; 4-й — с 1992 года по настоящее время. Охарактеризуем кратко каждый из этих периодов.

1. Нижняя хронологическая граница первого периода определяется появлением Олонецкого сборника (далее — ОС), который датируется второй четвертью XVIII века, а верхняя — началом публикации заговоров в Олонецких губернских ведомостях (далее — ОГВ).

Заговоры, относящиеся к этому периоду, доступны нам только в рукописных источниках. Особое значение для реконструкции ранней заговорной традиции Обонежья имеет уже упомянутый ОС, включающий примерно 120 текстов на русском языке и 10 на карельско-вепсском диалекте. До недавнего времени он был известен в основном по частичной публикации В.И. Срезневского², ныне он напечатан полностью³. С точки зрения своего состава ОС имеет универсальный характер, в этом его отличие от известных нам сборников XVII—XVIII веков, которые в основном имеют специализированный характер и посвящены какому-то одному функциональному типу заговоров (например, заговорам от вражеского оружия или пастушеским «отпускам»).

В ОС сочетаются тексты рукописного (книжного) и устного (фольклорного) происхождения, причем последние явно преобладают. Это также необычно для рукописных сборников XVII—XVIII веков, которые, как правило, не фиксировали устный репертуар, а переписывались с каких-то других, более ранних рукописей. Способ работы составителей ОС, по-видимому, был близок работе фольклористов XIX—XX веков и подразумевал целенаправленный

¹ Статья написана при поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-культурной и лингвистической интерпретации».

² *Срезневский В.И.* Описание рукописей и книг, собранных для Имп. Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913. С. 196–202, 481–512.

³ Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / сост., подг. текстов, статьи и коммент. А.Л. Топоркова. М., 2010. С. 87–144.

поиск текстов в устной традиции. Помимо записей заговоров, в ОС имеются подробные описания обрядов.

В 2002 году увидели свет две рукописи конца XVII — начала XVIII века из библиотеки заонежских крестьян Корниловых. Одна из них содержит две неканонические апотропеические молитвы, другая — заговоры от ударов и ран и «Молитву ко власти приход»¹. Значение этих текстов обусловлено тем, что они относительно точно локализованы во времени и пространстве, а также тем, что в них имеется ряд близких параллелей к уже упомянутому ОС.

Е.Б. Смилянская опубликовала недавно «северную книжицу», хранящуюся в собрании Казанского университета (около 1730 г.); для укрепления переплета рукописи были использованы сложенные в несколько раз документы 1729 года «о взятии крестьян погоста Кижы на Петровские заводы». Эта «северная книжица» включает 28 памятников «отреченной книжности», 17 из них — заговоры².

2. Нижняя хронологическая граница второго периода определяется тем, что в 1863 году в ОГВ появилась статья петрозаводского учителя русского языка и истории К.М. Петрова «Повенецкие карелы, их домашний и общественный быт, поверья и предания», в которой приведены 4 заговора на русском языке³. Верхняя граница отмечена рядом событий: публикация обширной коллекции заговоров, собранных В. Мансиккой в Пудожском у. (1926)⁴, «делом краеведов» (1928) и последними фольклорными и этнографическими экспедициями в Карелию, после которых наступил длительный перерыв в собирании заговоров.

В целом ситуация кардинально меняется по сравнению с предшествующим этапом. Если ранее заговоры оставались в рамках рукописной традиции, то теперь их начинают активно публиковать. Местные учителя, чиновники, священники, врачи копируют заговоры из рукописных тетрадок или фиксируют их изустно, для того чтобы поместить в неофициальной части ОГВ и других изданиях. Сам факт публикации магических текстов указывает на то, что принципиально изменилось отношение к ним. Прагматическое восприятие заговоров как средства магического воздействия сохраняется, однако наряду с этим среди образованных людей формируется отношение к ним как к материалу по народной словесности, который необходимо сохранить, подобно текстам других жанров фольклора.

¹ Заговоры и молитвы из коллекции Корниловых / подг. текста и коммент. А.В. Пигина // Отреченное чтение в России XVII—XVIII веков. М., 2002. С. 241–249. См. также: Памятники книжной старины Русского Севера: коллекции рукописей XV—XX веков в государственных хранилищах Республики Карелия / сост., отв. ред. и автор предисл. А.В. Пигин. СПб., 20120. С. 538–545.

² Собрание нужнейших статей на всяку потребу, и как о чем, и тыя в всеи какое по ряду стоят (Публикация Е.Б. Смилянской) // Отреченное чтение в России XVII—XVIII веков. М., 2002. С. 322–364.

³ Петров К. Повенецкие корелы, их домашний и общественный быт, поверья и предания // ОГВ. 1863. № 13. Часть неофициальная. С. 45–46; см. также: Курец Т.С. О собирании русских заговоров Карелии // Русские заговоры Карелии / сост. Т.С. Курец. Петрозаводск, 2000. С. 8–26.

⁴ Мансика В.Н. Заговоры Пудожского уезда Олонецкой губернии // Sborník filologický. Vydává III Třída Česke Akademie věd a umění. Sv. 8. Č. 1. Praha, 1926. S. 185–233.

П.Н. Рыбников включил подборку из 24 заговоров в свое знаменитое собрание фольклорных материалов¹. Краевед Н. Кофырин в очерке «Суеверия крестьян села Песчанного, Пудожского уезда» привел более 50 заговоров². Всего, по данным Т.С. Курец, с 1863 по 1910 год в ОГВ заговорам было посвящено более 50 публикаций³. На страницах ОГВ появлялись и заговоры, записанные изустно, и рукописные заговоры, скопированные с каких-то оригиналов. Тексты печатались без соблюдения диалектных особенностей; при подготовке к изданию они явно редактировались; не сообщалось сведений о происхождении рукописей, из которых извлечены заговоры, об их владельцах и месте хранения; не приводились их датировки. Несмотря на перечисленные недостатки этих публикаций, заговоры, помещенные в ОГВ, представляют большой интерес; во многих случаях это большие по объему тексты, имеющие длительную предысторию и сохраняющие архаические черты.

В 1880-х годах в собрание заговоров включаются ученые, которые приезжают в Обонежье с научными целями. В 1884 году Пудожский уезд посетил известный этнограф Н.Н. Харузин. На Ильинском погосте в Водлозеро ему передали старинный пастушеский отпуск. Н.Н. Харузин опубликовал его с многочисленными купюрами в 1894 году; недавно этот текст был опубликован заново по рукописи, которая сохранилась в архиве Харузиных в отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ⁴. Данная работа принципиально важна, так как намечает тот путь, по которому можно пойти, чтобы сделать пригодными для научного анализа рукописи, известные нам по недатированным и несовершенным публикациям XIX века. В случае, если эти рукописи сохранились, их следует заново подготовить к публикации на современном уровне.

В 1914 году ученую поездку по Пудожскому уезду совершил русский и финский фольклорист, диалектолог и исследователь древнерусской книжности В. Мансикка⁵. Ему удалось собрать обширную коллекцию, включающую 244 заговора, и опубликовать ее в Праге в 1926 году⁶. Записи В. Мансикки сделаны на диалекте; место записи указано, но сведения об исполнителях не приводятся; тексты расположены по функциям; во вступительной статье сообщается о маршруте поездки и составе заговорной традиции.

В 1920-х — начале 1930-х годов в Обонежье работали многочисленные экспедиции из разных учебных и научных учреждений Ленинграда. В 1926 году

¹ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. СПб., 1867. Ч. 4. С. 250–272. № 8–27.

² Кофырин Н. Суеверия крестьян села Песчанного, Пудожского уезда // ОГВ. 1900. № 100. С. 2; № 107. С. 2; № 109. С. 2; № 112. С. 2; № 114. С. 2; № 116. С. 2; № 117. С. 2; № 126. С. 2; № 127. С. 2; № 128. С. 2; № 134. С. 2; № 135. С. 2; № 136. С. 2.

³ Курец Т.С. Указ. соч. С. 9.

⁴ Ильина Т.С., Ипполитова А.Б. Водлозерский пастушеский отпуск конца XVIII в. из экспедиционных материалов Н.Н. Харузина // Ильинский Водлозерский погост: материалы науч. конференции «Водлозерские чтения: Ильинский погост» (6–10 августа 2007 г.) / под ред. А.В. Пигина. Петрозаводск, 2009. С. 197–245.

⁵ О В. Мансикке как собирателе и исследователе заговоров см.: Топорков А.Л. К 100-летию со дня выхода в свет книги В. Мансикки «Über russische Zauberformeln mit Berücksichtigung der Blut- und Verrenkungssegen» // Антропологический форум. 2009. № 10. С. 279–296; см. также: URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/010/10_04_toporkov.pdf.

⁶ Мансикка В.Н. Указ. соч.

экспедиция в составе А.М. Астаховой, Н.П. Колпаковой, И.В. Карнаухова и З.В. Эвальда собрала коллекцию из 63 заговоров, которая ныне хранится в отделе рукописей Пушкинского Дома¹. В 1929 году в Прионежском районе отряда Карельской комплексной экспедиции этнографического отдела Государственного Русского музея под руководством Д.А. Золотарева удалось выявить 84 заговора; коллекция сохранилась в Архиве Карельского научного центра РАН (далее — АКНЦ) и в основном опубликована в сборнике «Русские заговоры Карелии»².

3. Третий период фиксации и изучения заговоров Обонежья мы отнесли к промежутку с 1929 по 1991 год, хотя в нем явно выделяются два периода: первый — с начала 1930-х по середину 1950-х годов, когда записей заговоров практически не производилось; второй — с середины 1950-х до конца 1980-х годов, когда записи возобновились, однако публиковать их еще не было возможности. Нижняя хронологическая дата этого периода связана с тем, что на рубеже 1920-х — 1930-х годов проводятся последние экспедиции в Обонежье, после которых наступает перерыв в несколько десятилетий. Участники экспедиций еще фиксируют заговоры, но уже не имеют возможности их опубликовать. Верхняя граница совпадает с распадом СССР, окончательным снятием запретов на публикацию заговоров и рядом других событий, которые совершенно изменили место магических практик в социуме и их общественное восприятие.

Десятилетия с конца 1920-х по начало 1960-х годов отмечены такими событиями, как коллективизация, репрессии, Великая Отечественная война, послевоенная разруха, «укрупнение» колхозов, которое привело к гибели многих сельских поселений. На те же годы пришлось «раскулачивание», преследование магических специалистов, борьба с суевериями и религиозными пережитками, массовое разрушение церквей, насаждение государственного атеизма.

После длительного перерыва фольклорные экспедиции в Обонежье возобновились только в середине 1950-х годов. В них участвовали студенты и преподаватели МГУ, Петрозаводского госуниверситета и Карельского государственного педагогического института, сотрудники Института языка, литературы и искусства Карельского научного центра РАН (далее — ИЯЛИ). Отдельные тексты, записанные фольклористами в ходе экспедиций, откладываются главным образом в архивах КНЦ и кафедры фольклора МГУ. Позднее они были частично опубликованы в сборниках «Русские заговоры Карелии»³ и «Русские заговоры и заклинания»⁴.

4. На 4-м этапе ситуация вновь кардинально меняется. Его начало отмечено появлением ряда работ, в которых вербальная магия интегрирована в добротные этнографические описания. Это небольшой «Заонежский сборник»

¹ Астахова А.М., Колпакова Н.П., Карнаухова И.В., Эвальд З.В. Заговоры, записанные в Петрозаводском уезде Олонецкой губернии. Машинопись. 1926 г. 70 л. (Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Р. V. Колл. 2. П. 10. Ед. хр. 1—64).

² Курец Т.С. Указ. соч. С. 21—22.

³ Русские заговоры Карелии / сост. Т.С. Курец. Петрозаводск, 2000.

⁴ Русские заговоры и заклинания: материалы фольклорных экспедиций 1953—1993 гг. М., 1998.

со статьями Р.Б. Калашниковой и В.П. Кузнецовой¹ и две книги К.К. Логинова².

С начала 1990-х годов народные целители фактически выходят из подполья и начинают открыто оказывать услуги населению. Информанты не боятся больше рассказывать о магических практиках и своем общении с миром сверхъестественного. Выясняется, что заговоры вовсе не ушли в прошлое, а вполне благополучно пережили годы советских гонений и насильственного атеизма. Параллельно общественное мнение разворачивается к магии и колдовству в их современных формах репрезентации. СМИ популяризируют экстрасенсов и народных целителей. Заговоры публикуются в популярных изданиях, которые расходятся гигантскими тиражами; через эти издания и местную прессу печатные заговоры попадают в деревню, где местные жители копируют их или вырезают и наклеивают в свои тетрадки.

В обществе и в научной среде возрождается интерес к заговорам как к фольклорному жанру и органической части народной жизни. Выходит в свет фундаментальный сборник «Русские заговоры Карелии», подготовленный Т.С. Курец. В основу сборника положены материалы АКНЦ и фонотеки ИЯЛИ, собранные главным образом в 1920–1930-е и 1970–1980-е гг. Всего Т.С. Курец выявила в архивных собраниях 592 заговора, в том числе из Прионежского района — 151, из Пудожского — 69, из Медвежьегорского — 48, из Кондопожского — 42³. Из выявленных 592 заговоров в сборник включены 452⁴.

В 2003 году в собирание фольклора Обонежья включились также исследователи из Москвы: с 2003 по 2009 год мы провели 7 летних экспедиций на базе Российско-французского центра исторической антропологии им. Марка Блока (РГГУ) в рамках студенческой практики по этнологии. В 2003–2005 годах экспедиции проходили в Пудожском р-не Республики Карелия (дер. Семеново, Куганаволок, Авдеево, Каршево); в 2006–2009 годах — в Вытегорском р-не Вологодской обл. (Андомский погост, Десятинский сельсовет, Оштинский погост, Анненский Мост)⁵.

Как уже отмечалось, тексты заговоров широко включаются в этнографические описания различных территорий Обонежья или отдельных обрядов и ритуально-бытовых комплексов. Они занимают достойное место в книгах К.К. Логинова о Заонежье и Водлозере⁶, в работах Р.Б. Калашниковой о девичьих магических практиках⁷ и т.д. В этнографических трудах подача заговоров

¹ Калашникова Р.Б. Обряд первого выгона скота в Заонежье // Заонежье. Петрозаводск, 1992. С. 131–142; Кузнецова В.П. О функциях колдуна в русском свадебном обряде Заонежья // Заонежье. Петрозаводск, 1992. С. 117–131.

² Логинов К.К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993; *Он же*. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX — начало XX в.). СПб., 1993.

³ Русские заговоры Карелии. С. 240–242.

⁴ Курец Т.С. Указ. соч. С. 5.

⁵ С материалами экспедиции можно познакомиться на сайте: URL: <http://cmb.rsuh.ru/session.html?id=3569>.

⁶ Логинов К.К. Семейные обряды и верования...; *Он же*. Материальная культура...; *Он же*. Этнокультурная группа русских Водлозерья. М., 2006.

⁷ Калашникова Р.Б. Беседы и беседные песни Заонежья второй половины XIX века. Петрозаводск, 1999. С. 100–110; *Она же*. Свадебное содержание и «присущивательная» симво-

отличается от той, которая характерна для фольклористических публикаций: акцент делается не на самом тексте заговора, а на ритуалах, сопровождающих его произнесение; тексты не пронумерованы и не выделены графически.

Современные исследователи уделяют особое внимание личности магического специалиста, специфическому стилю его поведения, его жизненной истории. Предпринимаются попытки воссоздать биографии народных целителей, установить источники их репертуара, выстроить типологию магических специалистов. Практикуются многократные посещения одного и того же целителя, глубинные интервью с ним, с его родственниками и пациентами¹. Как исключение возникает даже немислимый ранее образ собирателя, который не просто фиксирует заговоры, но верит в их действенность, обменивается опытом с информантами и даже сам практикует магические средства лечения. Новой чертой собирательской работы становится использование аудио- и видеоаппаратуры, которая позволяет фиксировать заговоры в процессе их исполнения. При этом тексты заговоров оказываются подчас значительно больше по объему, чем соответствующие тексты, записанные под диктовку в искусственной ситуации; в них сохраняются повторы, выявляются детали, в которых запечатлена связь текста с ситуацией ее исполнения. Аудиозапись сохраняет интонацию исполнителя, звуковысотные характеристики и тембр голоса. Видеозапись дополнительно фиксирует позы, мимику и жестикуляцию исполнителя заговора и пациента, их взаимное расположение в пространстве, окружающую обстановку и предметную среду, использование материальных атрибутов и таких тактильных средств воздействия, как прикосновение, поглаживание, массаж. Словесный текст, зафиксированный как часть ритуального процесса, утрачивает свой самодовлеющий характер и начинает восприниматься как органическая часть ритуала.

Таким образом, обширный корпус источников по заговорам Обонежья сформировался в результате сочетания трех факторов: заговоры дошли до наших дней во многих рукописях начиная со 2-й четверти XVII века; традиция устных заговоров осталась актуальной до начала XXI века; сборищем и изучением заговоров на протяжении примерно 150 лет занимались заинтересованные краеведы и высококвалифицированные фольклористы и этнографы. Среди тех, кого интересовали олонечские заговоры, были П.Н. Рыбников, Н.Н. Харузин, В. Мансикка, А.М. Астахова, Н.П. Колпакова. В последней четверти XX века в собиране заговоров внесли свой вклад петрозаводские ученые Р.Б. Калашникова, Н.А. Криничная, В.П. Кузнецова, Т.С. Курец, К.К. Логинов, С.М. Лойтер, А.П. Разумова, Т.И. Сенькина и др.

ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВОЙ СИСТЕМЫ «ЗАГОВОРЫ ОБОНЕЖЬЯ»

Как уже отмечалось, в сборнике «Русские заговоры Карелии» учтены только те материалы, которые хранятся в АКНЦ и фонотеке ИЯЛИ. Таким обра-

лика заонежских бесёдных песен второй половины XIX века // Кижский вестник. Петрозаводск, 2000. № 5. С. 72–94.

¹ Публичук Е., Топорков А. Знахарка из Андомы и ее заговоры // Народная медицина и магия в славянской и еврейской культурной традиции: сб. ст. М., 2007. С. 188–205.

зом, за рамками публикации остались рукописные материалы, хранящиеся в других архивах (в частности, Олонецкий сборник 2-й четверти XVII в., заговоры-молитвы из собрания крестьян Корниловых рубежа XVII–XVIII вв., Казанский сборник — ок. 1730 г., материалы экспедиции 1926 г. и др.), многочисленные публикации в ОГВ и других местных изданиях, собрание заговоров В. Мансикки. Таким образом, полное издание заговоров Обонежья должно включать не только тексты из «Русских заговоров Карелии», но и из других опубликованных и архивных источников, частично известные и ранее, а частично собранные и/или введенные в научный оборот только в последние годы.

В рукописях, архивных фондах, журнальных и книжных публикациях заговоры организованы в виде коллекций. Мы полагаем, что принципиально неверно было бы «рассыпать» эти коллекции и сделать на их основе сводное собрание заговоров. Сопоставление текстов в разновременных записях может дать интересные результаты для исследователя, но оно не годится как принцип издания текстов. Совершенно неприемлема такая ситуация, когда, например, тексты из рукописи XVII века даются вперемешку с текстами, записанными изустно в начале XXI века. Каждая отдельная рукопись или публикация должны быть сохранены в их целостности, как памятник своего времени. Не только старинные рукописи, но и записи фольклористов несут на себе отпечаток эпохи, места и обстоятельства; они фиксируют разные локальные варианты традиции, разные исторические срезы ее развития, в записях запечатлелись личности магических специалистов и т.д. Важно также то, кто именно записывал тексты, какова была его профессиональная подготовка, какие технические средства были в его распоряжении, как он понимал свои задачи, чему именно уделял внимание и что сознательно или неосознанно игнорировал.

В принципе можно собрать все заговоры, записанные в Обонежье, под одной обложкой, хотя издание будет чрезвычайно обширным¹. Однако даже в этом случае остается вопрос о том, что делать с заговорами, зафиксированными на видео- и аудионосителях, а также с теми, которые еще будут обнаружены в архивах и в ходе новых экспедиций. Наиболее приемлемым и практически достижимым способом публикации большого корпуса разновременных заговоров, зафиксированных на разных носителях и с помощью разных технических средств, нам представляется создание информационно-поисковой системы (далее — ИПС) «Заговоры Обонежья».

ИПС может основываться на двух базах данных: текстовой, включающей совокупность текстовых файлов, и мультимедийной, включающей совокупность текстовых файлов, фото-, аудио- и видеоматериалов.

Текстовая база данных включит все записи заговоров Обонежья вне зависимости от времени их фиксации и формы функционирования: скопированные из рукописей и записанные изустно, скопированные из архивов и опубликованные в прошлом по не дошедшим до нас рукописям. Текстовая база данных должна быть организована таким образом, чтобы тексты были доступны, во-первых, в виде единого собрания (например, одного большого файла), во-вторых, в виде совокупности коллекций и, в-третьих, в виде совокупности

¹ См.: Топорков А.Л. История и современное состояние заговоров Прионежья (обзор источников) // Рябининские чтения — 2007: материалы V Науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 394–396.

текстов. Это позволит проводить поиск по всему собранию и по отдельным коллекциям, обозревать в целом и анализировать все собрание и конкретные коллекции, составлять новые коллекции путем перегруппировки текстов, входящих в существующие коллекции.

Мультимедийная база данных включит тексты, которые были зафиксированы с помощью современных технических средств. В ней будет возможен переход от текстовых файлов к фотографиям, аудиофайлам и видеоматериалам.

Общий план работы над ИПС «Заговоры Обонежья» включает следующие этапы:

1. Библиографический, библиотечный и архивный поиск с целью выявления всех заговоров и близких им текстов, когда-либо зафиксированных на территории Обонежья (устных и рукописных, архивных и опубликованных). Для публикаций в ОГВ эта работа облегчается тем, что комплект ОГВ вывешен в Интернете (URL: <http://ogv.karelia.ru/catalog.shtml>). Сохраняет свое значение библиографический указатель Н.Н. Виноградова¹.

2. Аналитическое описание этих текстов и их критическая оценка. Имеется в виду, что среди архивных и опубликованных материалов могут встретиться тексты, недобросовестно скопированные из других опубликованных источников, в том числе и таких, которые происходят не из Обонежья, а с других территорий (например, некоторые заговоры из рукописной коллекции И.М. Дурова, помещенные в «Русских заговорах Карелии», скопированы с заговоров, опубликованных ранее в сборнике архангельских материалов П.С. Ефименко²). Одни и те же рукописи иногда печатались по нескольку раз без ссылки на предыдущие публикации. Так, например, ОС был первоначально частично опубликован Л.Л. Малиновским³, позднее — В.С. Срезневским⁴ и в третий раз — нами⁵, в этом случае уже полностью. При этом В.И. Срезневский, по-видимому, вообще не знал о публикации Л.Л. Малиновского, во всяком случае он нигде о ней не упомянул. Все это привело к путанице и многочисленным ошибкам. Так, например, Т.С. Курец описывает публикации Л.Л. Малиновского и В.И. Срезневского так, как будто это два разных сборника⁶.

3. Электронный набор текстов.

4. Размещение набранных материалов в виде текстовой базы данных. Примерный перечень параметров для рубрикации при помещении текстов в базу данных: место записи, год, имя информанта, данные о нем (год и место рождения, профессия, дополнительные сведения), имя собирателя, жанровая характеристика (заговор, описание обряда и т.д.), текст скопирован из рукописи или записан изустно, функция, поиск по ключевым словам.

¹ Виноградов Н. Фольклор Карелии. Петрозаводск, 1937.

² Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской области. М., 1878. Ч. 2 (Тр. Этногр. отд. Имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те. Т. 30. Кн. 5. Вып. 2).

³ Малиновский Л. Заговоры и слова, по рукописи XVIII века // ОГВ. 1876. 28 февр. № 15. С. 161–163; 3 марта. № 16. С. 172–173; 10 марта. № 18. С. 192–195.

⁴ Срезневский В.И. Описание рукописей и книг, собранных для Имп. Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913.

⁵ Русские заговоры из рукописных источников.

⁶ Курец Т.С. Указ. соч. С. 9; подробнее см.: Русские заговоры из рукописных источников. С. 37–86.

5. Создание мультимедийной базы данных современных записей.

6. Объединение текстовой и мультимедийной баз в рамках единой ИПС.

Естественно, что создание ИПС не является самоцелью. Она может послужить инструментом для решения ряда научных и прикладных проблем.

1. ИПС позволит максимально полно представить корпус заговоров, зафиксированных в Обонежье со 2-й четверти XVII в. до нашего времени, а также сделать их доступными для пользователей.

2. Можно будет оценить корпус заговоров Обонежья в количественном отношении: сколько всего заговоров было записано за весь период, доступный для наблюдения; сколько известно заговоров той или иной функционально-тематической группы, заговоров из той или местности; как распределяются эти записи по векам и т.д.

3. ИПС облегчит поиск определенных слов (например, имен святых или мифологических персонажей), устойчивых словосочетаний, формул и др. элементов.

4. Использование ИПС даст возможность составить словарь лексики и фразеологии заговоров Обонежья.

5. ИПС позволит быстро сопоставлять тексты друг с другом, проследить их сходства и различия, выстраивать в хронологические ряды, находить тексты, записанные на одной и той же территории, от одних и тех же исполнителей или их родственников и потомков и т.д.

6. Используя ИПС, можно оперативно формировать коллекции текстов для дальнейшей работы с ними или оценки их в количественном отношении (например, составить коллекцию, включающую все любовные заговоры или все заговоры из Андомского погоста). Можно сгруппировать тексты по определенным тематико-функциональным группам, по отдельным территориям в рамках Обонежья, по месту и времени записи, по отдельным исполнителям и собирателям.

7. Аналитическая проработка ИПС позволит составить указатель заговоров Обонежья. Такой указатель может быть размещен на бумажном или электронном носителе; в принципе он может быть встроен в ИПС как ее интегральная часть.

8. ИПС даст в руки исследователей инструмент, который позволит описать традицию Обонежья как единое целое, в частности выявить в ней устойчивые повторяющиеся элементы (сюжеты, мотивы, формулы и т.д.).

9. В рамках Обонежья могут быть выделены отдельные местные традиции, имеющие свою специфику (например, пудожская, заонежская, оштинская и др.). Каждую из этих территориальных традиций можно охарактеризовать в количественном отношении, рассмотреть в динамике (например, по векам), сравнить с другими местными традициями Обонежья.

10. ИПС послужит базой для описания обонежской традиции в динамическом аспекте. Например, можно задать вопросы о том, как с течением времени меняются в целом структура традиции, соотношение устных и рукописных текстов, а также текстов разной функциональной направленности и т.д.

11. Динамический аспект важен и для изучения отдельных заговоров, мотивов, композиционных форм. Мы можем соотносить заговоры в разновременных записях; проследить характер трансформаций, претерпеваемых определенным текстом, лексические замены и т.д.

12. ИПС окажет незаменимую помощь при комментировании новых изданий: позволит быстро подбирать параллели к отдельным текстам, формулам, лексическим единицам; темные места одних текстов могут быть прояснены посредством их сравнения с другими текстами, более исправными.

13. В будущем, когда появятся подобные ИПС для других русских территорий, можно будет сравнить Обонежье с какими-нибудь другими традициями (например, с архангельской или новгородской). Такое сравнение позволит объективно зафиксировать специфику обонежской традиции на фоне других региональных традиций России, выявить ее сходства и различия с ними.

14. Мультимедийная часть ИПС позволит изучить интонирование заговоров, ритмико-мелодические характеристики их исполнения, представить текст заговора в процессе его исполнения, воссоздать ритуальную обстановку исполнения текста, его бытовой контекст.

15. ИПС открыта для новых поступлений; она может пополняться за счет вновь обнаруженных архивных текстов, а также за счет новых полевых записей.

Таким образом, ИПС «Заговоры Обонежья» даст материал для воссоздания объема, структуры и исторического пути одной из наиболее богатых заговорных традиций славянского мира. Разработанный при этом алгоритм можно использовать и при работе с другими региональными традициями, хотя ни одна из них не имеет такой богатой документированной истории, восходящей к XVII веку.